

УДК 36

DOI: 10.17223/1998863X/35/22

Ф. Руми, А.С. Матвеев

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДВУСТОРОННИХ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ СВЯЗЕЙ

В проведенном исследовании российско-иранских отношений с точки зрения различных концепций теории международных отношений авторы приходят к выводу, что конструктивизм наиболее полно раскрывает суть отношений Исламской Республики Иран и Российской Федерации. Сегодня существуют объективные тенденции к сближению двух стран, союз России и Ирана обусловлен похожим социальным восприятием международных отношений и историческими стремлениями двух государств.

Ключевые слова: конструктивизм, неореализм, либерализм, внешняя политика, идентичность.

Введение. Весьма сложно сделать выбор теории международных отношений, чтобы трактовать связи между Россией и Ираном. Не существует теории, которая смогла бы объяснить различные аспекты двусторонних связей России и Ирана. Однако мы полагаем корректным рассмотреть данные двусторонние связи в контексте трех теорий международных отношений: неореализма, либерализма и конструктивизма; эти подходы представляют различные точки зрения на природу международных отношений.

Неореалисты объясняют стратегическое сотрудничество между Ираном и Россией общим ощущением угрозы со стороны Америки и их стремлением к установлению равновесия сил против этой страны. Кроме того, Иран и Россия стремятся, помогая друг другу, предотвратить растущее влияние Америки в своих регионах [1. С. 61].

Кеннет Уолтц анализирует отношения Ирана и России в рамках стремлений двух стран создать противовес угрозе со стороны Америки. По мнению Уолтца, с распадом СССР международная система оказалась в униполярном положении, а Соединенные Штаты были представлены как единственная мировая сверхдержава со значительным отрывом в качественных показателях силы относительно других крупных держав [2. С. 27].

Хотя реалистический анализ отношений Ирана и России и дает относительно удовлетворительные ответы на многие вопросы, тем не менее реалистическая теория не может объяснить, почему некоторые страны после окончания периода биполярной системы вместо стратегии адаптации применили стратегию противостояния и вражды с гегемонистской державой? Почему Россия после окончания холодной войны и уничтожения идеологических причин вражды с Америкой не пошла по такому же пути, как другие страны Восточной Европы, и вместо получения выгоды от этого союза стала предлагать различные варианты своего места в международной системе?

Реалистический анализ поведения России в период после холодной войны столкнулся с некоторой критикой либеральных аналитиков. По мнению

Брукса и Волфорса, не следует предпринимать попыток торга за счет создания равновесия сил. По словам Брукса и Волфорса, существует еще множество причин для установления хороших отношений России с Ираном, кроме создания противовеса Америке. «Ядерная сделка, передача технологий и другие меры, за счет которых происходит укрепление Ирана, являются частью стратегии России, которая исходит из потребностей Москвы к сотрудничеству с Ираном в решении комплекса региональных проблем, таких как борьба с религиозным радикализмом, сотрудничество в вопросах энергетики и природных ресурсов Каспийского моря» [3. С. 76–88].

Однако эксперты уверены, что экономические выгоды в отношениях России и Ирана не являются определяющим показателем. Принимая во внимание невысокий уровень двустороннего экономического обмена, материальный ущерб России в случае потери иранского рынка окажет незначительное влияние на экономику этой страны [4]. Если мы обратимся к данным Министерства экономического развития Российской Федерации о торгово-экономическом сотрудничестве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, то выяснится, что доля Ирана во внешнеторговом обороте России с 2000 по 2011 г. не превышала 2,5%, а в 2012 г. составила 0,47% (см.: [5]).

Таким образом, эти концепции (будь то реализм или либерализм) ищут причины улучшения отношений Ирана и России среди материальных факторов, таких как объективные угрозы, осязаемые экономические выгоды.

Конструктивизм и принципы внешней политики. Между тем одной из теорий, которая особым образом рассматривает значение нематериальных структур и роль идентичности в определении национальных целей и внешней политики стран, является теория конструктивизма.

В соответствии с конструктивизмом интерес определяется государственной идентичностью, которая зависит от исторического, культурного, политического и социального прошлого. Конструктивисты подчеркивают, что «системы общих идей и ценностей имеют структурные характеристики, которые прямо пропорционально влияют на поведение государств» [6. С. 5].

В данной теории цели государства зависят от норм и национальных ценностей, таких как верования, идеалы, национальная идентичность, национальный суверенитет и национальное единство. Из-за преимущества норм над интересами, государства не могут игнорировать нормы в своем поведении и для достижения своих целей предпринимают любые меры [6. С. 8].

Следовательно, в теории конструктивизма государство является социальным актором, а его идентичность и интересы заранее не определены. Государство действует в рамках социальных правил, где на него давит как внутренняя система, так и международная система правил и норм, которые формируют его идентичность [7. С. 255].

С точки зрения конструктивистов, даже «вопрос угрозы» является субъективным феноменом. Угроза строится на основе отношений между фактором угрозы и областью угрозы. На основании этого угрозу формируют идеи, мысли, дискурсы. Следовательно, с изменением мыслей, убеждений и понятий угрозы либо изменяются, либо уничтожаются.

Александр Вендт, один из ведущих ученых этого направления, отмечает, что исключительно материалистический подход не может объяснить многие

факты международных отношений. Например, почему США считают 500 британских ядерных ракет менее угрожающими их безопасности, чем 5 северокорейских ядерных ракет? Очевидно, что дружеское отношение Великобритании к США по сравнению с видимой враждебностью Северной Кореи не является само собой разумеющимся с чисто материальной точки зрения. Разница между этими странами состоит в рассуждениях многих американских лидеров о том, что северокорейцы с большей вероятностью применяют агрессию по отношению к США, чем британцы. Это убеждение основано на интерпретации истории, риторики и поведения, оно порождает ожидание, что война с Северной Кореей более вероятна, чем война с Великобританией, и эта ситуация приводит к различным стратегиям политики в ответ на наличие у них ядерного оружия [8].

По мнению конструктивистов, нормы определяют идентичность, а идентичность определяет интересы. Следовательно, выяснив, каким образом нормы влияют на идентичность, можно понять определение национального интереса, который является основой функционирования внешней политики любой страны. Согласно данной модели, это такие нормы, которые определяют интересы и цели государств [9. С. 73].

Авторы настоящей статьи предполагают, что Россия и Иран строят отношения друг с другом на основе представлений, которые они имеют друг о друге, о других странах, а также на основе того определения, которое они дают своей идентичности и интересам. Эти представления и интересы не определены заранее, однако формируются в социальном и историческом процессе. Итак, мы можем определить отношения между Ираном и Россией как социально сформированные, где играет роль совокупность внутренних и исторических факторов, а также внешние факторы. В исследовании внешней политики России и Ирана следует рассмотреть вопрос о том, какую роль в формировании идентичности играют культурно-религиозные факторы.

Основные принципы внешней политики Российской Федерации. Понимание процесса внешней политики не охватывает лишь сферы, относящиеся к национальным интересам, национальной безопасности и геополитике. Такие компоненты, как географическое положение, историческое прошлое, крупные победы и поражения на протяжении периода времени, повлияли на поведение и мысли людей, привели к возникновению культурно-идентификационных особенностей. Россия на протяжении многих столетий занимала место самой мощной державы в мире, и этот исторический опыт оказал влияние на их разум и дух, стал причиной появления особого чувства мужества, чести и превосходства, поэтому они всегда ожидают, что будут влиять на международные дела. Однако свержение коммунизма и распад Советского Союза создали психологическую пропасть между прошлым и настоящим России [10. С. 52–53].

Ясно, что время, когда государство из-за внутренних или внешних перемен сталкивается с кризисом идентификации, одной из важнейших сфер, в которой возникает этот кризис, является его внешнее поведение. Этот вопрос имеет особое значение для понимания его внешней политики, и особенно это касается России [11. С. 143].

Создание одного государства – сильной нации и согласованной национальной идентичности – могло в некоторой степени снизить тяжесть проблем после распада Советского Союза. Доминирующую теорию в первые годы существования Российской Федерации предложили евроатлантисты: концепция предполагала отказ от империи и создание государства-нации; на основании такого подхода руководство страны попыталось обеспечить почву для создания когерентной национальной идентичности посредством постепенного продвижения в сторону западного демократического строя [12. С. 860].

Однако демократы, ориентированные на Запад, разочаровались решением российских экономических проблем новыми способами. Совершенно очевидно, что люди не живут исключительно благодаря хлебу, они не могут отказаться от духовных потребностей. В такой стране, как Россия, эта потребность всегда оставалась актуальной. Профессор МГУ Александр Задохин считает: «Нет сомнения в том, что внешняя политика России определяется ее геополитическим положением, изменениями в международных отношениях и национальными интересами страны. Однако в этой политике всегда имелся так называемый источник, который брал свое начало из культурных и психологических особенностей формирования национального сознания россиян. Пространство сознания россиян не соответствует границам государства, однако имеет свои рамки и ориентацию. Россия для сохранения этого пространства, т.е. сохранения «себя», несет множественные потери и терпит ущерб» [13. С. 167].

С точки зрения евразийцев, Россия не относится ни к Востоку, ни к Западу. Россия относится к Евразии – миру, который имеет свою, особую динамику. Концепция третьего пути тесно связана с мессианством России, которое осталось как напоминание об эпохе славянофильства [14]. Евразийцы делают акцент на значении геополитических факторов и считают, что геополитическое положение России требует разносторонней политики, которая не была бы слишком сосредоточена на Западе. Академик Евгений Примаков считал, что если внешняя политика России не будет учитывать геополитическую сторону международных вопросов и не будет охватывать весь мир, начиная от Соединенных Штатов Америки и Европы до Китая, Индии, Японии, Центральной Азии и Ирана, Россия не сможет быть сверхдержавой [15. С. 128].

В документе 2008 г. «Концепция внешней политики Российской Федерации» Россия упоминается как «один из эффективных центров в новом мире» [16]. Такая интерпретация России на мировой арене в период президентства В. Путина и перехода от политической и социальной нестабильности, вызванной кризисом после распада, всегда была устойчивой частью позиций российских властей, их официальных и неофициальных заявлений. Движение к статусу «великая держава» было наиболее разумной целью внешней политики России в постсоветский период.

Принципы внешней политики Исламской Республики Иран. После победы Исламской революции в 1979 г. роль внутренних факторов, а особенно идеологических целей, играет гораздо большую роль в выработке международной политики Ирана, чем внешние факторы. Национальные интересы Исламской Республики Иран не ограничиваются только материальными ин-

тересами, но охватывают и другие интересы, такие как нематериальные и идеологические ценности.

При изучении внешнеполитического поведения Ирана необходимо обратить внимание на восприятие ценностей и верований этой страны во внешней политике, а также на роль идентичности и национальной культуры в формировании ее внешней политики. В то же время идентификационные источники внешней политики Исламской Республики Иран можно рассматривать в рамках ислама и шиизма, истории и культуры Ирана и географического положения этой страны. Это определяющие компоненты поведения Ирана в международной политике.

Очевидно, что из-за религиозной природы лидеров Исламской революции Ирана влияние религиозной идентичности и исламских ценностей на внешнюю политику гораздо глубже, нежели влияние других ресурсов. В Иране правит религиозная власть, и естественно, что религия в определении ориентации этой власти является доминирующим элементом. При таком подходе национальные интересы определяются прежде всего на основании исламских ценностей и в меньшей степени исходят из национальных целей и расчетов потерь и прибыли [17. С. 260–262].

Другое влияние религии на внешнюю политику Ирана можно распознать в принципе «*фикх*», называемом «отрицание господства», по которому немусульмане не должны господствовать над мусульманами. «Отрицание господства» является основным правилом в построении отношений между мусульманами и немусульманами. На основе этого заключение любого договора – политического, экономического или военного, в основе которого может лежать господство немусульман над мусульманами, – является недействительным [18].

Без сомнения, непринятие некоторых резолюций Совета Безопасности ООН, Совета по защите прав человека, Совета управляющих Международного агентства по атомной энергетике и отказ от давления на правительство некоторых могущественных стран, таких как Соединенные Штаты Америки, исходя из убеждений иранских лидеров, основано именно на этом правиле [19].

К тому же элементы идентификации внешней политики Ирана нашли выражение в знаменитом лозунге аятоллы Хомейни: «Ни Восток, ни Запад – только Исламская Республика», который впоследствии стал направляющим во внешней политике этого государства. На основе этого в первые годы после революции целью внешней политики этой страны было противостояние двум сверхдержавам Запада и Востока, а основной осью ориентации внешней политики Ирана должен был быть отказ от зависимости со стороны сверхдержав [20. С. 1022].

После разрушения СССР лозунг «ни Запад, ни Восток» изменил свой семантический смысл на «отказ от доминирования и одностороннего подхода Америки». Другими словами, с тех пор определяющим фактором внешней политики Ирана стала идеологическая вражда с США и израильским режимом. Однако Иран, используя опыт, полученный в войне с Ираком, в противостоянии единственной оставшейся сверхдержаве нуждался в помощи и поддержке партнера. Российская Федерация была первым кандидатом для этого нового подхода Ирана.

Иран нуждался в стратегическом сотрудничестве с Россией, для того чтобы противостоять новым условиям международной системы после холодной войны, т.е. необходимости следования в фарватере единственной сверхдержавы – США [20. С. 1024].

Выводы. В девятностые годы прошлого века Россия и Иран находились в сложном периоде становления собственной идентичности. Россия после разочарования в евроатлантическом пути и выстраивании государства-нации по европейскому образцу обратилась к евразийству и независимой внешней политике. Иран, окончательно сформировав национальные приоритеты под влиянием норм ислама, выстраивает собственную внешнюю политику в качестве региональной силы.

Конструктивизм, несмотря на свои методологические «минусы», наиболее точно и адекватно рассматривает законы развития международных отношений. Социальные нормы, столь различные по своей духовной природе (в случае России это традиции русского мессианства, а случае Ирана – шиитское мученичество и борьба с угнетателями), дали двум странам схожее представление о национальных интересах в современной мировой системе. Следует подчеркнуть, что партнерство двух стран выстраивается на идее сдерживания США, однако отношения Исламской Республики Иран и Российской Федерации сами по себе обладают огромным политическим, экономическим и военным потенциалом.

Мы не должны забывать, что в отношениях Ирана и России существенными преградами остаются исторические обиды и недоверие, эти факторы воздействуют на социальные нормы, а значит, и на дальнейшее определение странами своих национальных интересов. Пути преодоления проблем следующие: необходимо развитие в двух странах близкого понимания базовых основ современного миропорядка, накопление совместных знаний, уважение интересов и понимание мотивов друг друга. Важным моментом российско-иранского партнерства является формирование доверия, а для формирования доверия необходимы диалог и совместная работа.

В российско-иранских отношениях в настоящее время присутствует политическая воля на сближение двух стран, это воля может служить твердой основой для выстраивания дальнейшего диалога, который при определенных условиях может трансформироваться в стратегическое партнерство.

Литература

1. Hopf T. (1999) *Understandings of Russian Foreign Policy*. Penn State Press.
2. Waltz K. (2000) *Structural Realism after the Cold War*. International Security. Vol. 25, № 1. P. 5–41.
3. Brooks S.G. & Wohlforth W.C. (2005) *Hard Times for Soft Balancing*. International Security. Vol. 30, № 1. P. 72–108.
4. Harvey C. & Sabatini R. (2010) *Russia's lukewarm support for international sanctions against Iran: history and motivations*. Building a Safer World (NTI). [Online] Available from: <http://www.nti.org/analysis/articles/russias-support-sanctions-against-iran> (mode of access: 13.11.2014).
5. *Torgovye otnosheniya Rossii i Irana* [Trade relations between Russia and Iran]. Ministerstvo jekonomicheskogo razvitiya RF. 2014. [Online] Available from: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/ir_ru_relations/ir_ru_trade.
6. Risse T. (2000) *Let's Argue: communicative action in World politics*. International Organization. Vol. 54, № 1. P. 1–39.

7. Вент А. (2007) Social'naja teorija mezhdunarodnoj politiki [social theory of international politics] / Пер. на фарси Х. Маширхадех. Тегеран: Офис политических и международных исследований Министерства иностранных дел. P. 227.
8. Wendt A. (1995) Constructing international politics. *International Security*. № 20. P. 71–81.
9. Gharamanpoor P. (2005) Analiz vneshnej politiki Irana s točki zrenija konstruktivizma [Analyze Iranian foreign policy based on constructivist standpoint]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Strategic Studies*. № 3. P. 71–88.
10. Zargar A. (2006) Konflikty identichnosti v Rossii i ih vlijanie na vneshnjuju politiku [The conflict of identity in Russia and its impact on foreign policy]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Central Asia and the Caucasian Studies*. № 50. P. 47–86.
11. Shori M. (2008) Vzglyady, formirujushhie russskuju identichnost'[A look at forming Russian identity]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Strategic Studies*. № 43. P. 147–161.
12. Nuri A. (2009) Izmeneniya v koncepcii antiamerikanizma vo vneshnej politike Rossii s akcentom na vneshnjuju politiku Putina [The changes in the concept of anti-Americanism in Russia's foreign policy with a focus on foreign policy Putin]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Strategic Studies*. № 4. P. 853–876.
13. Zadoin A.G. (2006) Vneshnjaja politika: samosoznanie Rossii i nacional'nye interesy [Foreign Policy: Russia identity and national interests] / Пер. на фарси М. Санаи. Tehran. Publication of contemporary Tehran.
14. Koolae A. (1995) Reabilitacija i rasshirenie nacionalisticheskix nastroenij v Rossii [Rehabilitation and expansion of nationalist sentiments in Russia]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Political and economic information*. № 79–80. P. 68–71.
15. Hanter Sh. & Tomas D. & Majkishvili A. (2013) Islam v rossijskoj politike identichnosti i bezopasnosti [Islam in Russia's politics, identity and security] / Пер. на фарси Э. Кулайи & М. Хосейни. Tehran. Publication of Ney.
16. Dejav Salar A. R. (2009) Rol' voennoj doktriny vneshnej politiki Rossii [The role of the military doctrine in Russia's foreign policy]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Defensive strategy*. № 22. P. 57–88.
17. Sadegi A. (2009) Genealogija vneshnej politiki Islamskoj Respubliki Iran: mestosushhnosti kul'tury i istorii [The genealogy foreign policy of the Islamic Republic of Iran: the place of culture and history]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Foreign policy*. № 2. P. 245–300.
18. Amidzandzhani A. (1989) Politicheskij fikh [Political Fiqh]. Translated from Persian. Tehran. Publication of Amir Kabir.
19. Moshirzadeh H. (2010) Domestic ideational sources of Iran's foreign policy. *Iranian Review of Foreign Affairs*. Vol. 1, № 1. P.153–192.
20. Hadzhi Jusefi A.M. (2003) Teorija Vultsa i vneshnjaja politika Irana: sravnitel'noe izučenie perioda holodnoj vojny i posle holodnoj vojny [theory of Waltz and Iran's foreign policy: a comparative study of the Cold War and post-Cold War]. Translated from Persian. Tehran. *Journal of Foreign policy*. № 4. P. 1005–1030.

Roomi Farshad. Lobachevski State University of Nizhniy Novgorod (Nizhniy Novgorod, Russian Federation)

E-mail: farshadroomi@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 22

Matveev Alexander S. Lobachevski State University of Nizhniy Novgorod (Nizhniy Novgorod, Russian Federation)

E-mail: a.s.matveev@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 22

THE CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF BILATERAL RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS

Key words: Constructivism, Neorealism, Liberalism, Foreign policy, Identity

In this article, Russian-Iranian relations have studied based on the theories of international relations. The authors concluded the theory of constructivism better reveals the nature of these relations. Today's, there are objective tendencies to rapprochement of the two countries. Russia and Iran alliance is due to similar social perception of international relations and the historical aspirations.

References

1. Hopf, T. (1999) *Understandings of Russian Foreign Policy*. Penn State Press.
2. Waltz, K. (2000) Structural Realism after the Cold War. *International Security*. 25(1). pp. 5–41. DOI: 10.1162/016228800560372
3. Brooks, S.G. & Wohlforth, W.C. (2005) Hard Times for Soft Balancing. *International Security*. 30(1). pp. 72–108. DOI: 10.1162/0162288054894634
4. Harvey, C. & Sabatini, R. (2010) *Russia's lukewarm support for international sanctions against Iran: history and motivations. Building a Safer World (NTI)*. [Online] Available from: <http://www.nti.org/analysis/articles/russias-support-sanctions-against-iran>. (Accessed: 13th November 2014).
5. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2014) *Torgovyie otnosheniya Rossii i Irana* [Trade relations between Russia and Iran]. [Online] Available from: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/ir_ru_relations/ir_ru_trade.
6. Risse, T. (2000) Let's Argue: communicative action in World politics. *International Organization*. 54(1). pp. 1–39. DOI: 10.1162/002081800551109
7. Vent, A. (2007) *Sotsial'naya teoriya mezhdunarodnoy politiki* [Social theory of International Politics]. Translated by Kh. Mashirkhadekh. Tegeran: Office of Political and International Studies of the Ministry of Foreign Affairs.
8. Wendt, A. (1995) *Constructing international politics*. *International Security*. 20. pp. 71–81. DOI: 10.2307/2539217
9. Gharamanpoor, R. (2005) Analiz vneshney politiki Irana s tochki zreniya konstruktivizma [Iranian foreign policy in terms of constructivism]. Translated from Persian. *Journal of Strategic Studies*. 3. pp. 71–88.
10. Zargar, A. (2006) Konflikty identichnosti v Rossii i ikh vliyanie na vneshnyuyu politiku [The conflict of identity in Russia and its impact on foreign policy]. Translated from Persian. *Journal of Central Asia and the Caucasian Studies*. 50. pp. 47–86.
11. Shori, M. (2008) Vzgl'yady, formiruyushhie russkuyu identichnost' [Ideas forming Russian identity]. Translated from Persian. *Journal of Strategic Studies*. 43. pp. 147–161.
12. Nuri, A. (2009) Izmeneniya v kontseptsii antiamerikanizma vo vneshney politike Rossii s aktsentom na vneshnyuyu politiku Putina [The changes in the concept of anti-Americanism in Russia's foreign policy with a focus on Putin's foreign policy]. Translated from Persian. *Journal of Strategic Studies*. 4. pp. 853–876.
13. Zadohin, A.G. (2006) *Vneshnyaya politika: samosoznanie Rossii i natsional'nye interesy* [Foreign Policy: Russia identity and national interests]. Translated into Farsi by M. Sanai. Tehran. Publication of contemporary Tehran.
14. Koolae, A. (1995) Reabilitatsiya i rasshirenie natsionalisticheskikh nastroyeniy v Rossii [Rehabilitation and expansion of nationalist sentiments in Russia]. Translated from Persian. *Journal of Political and Economic Information*. 79–80. pp. 68–71.
15. Hanter, Sh., Tomas, D. & Maykishvili, A. (2013) *Islam v rossiyskoy politike, identichnosti i bezopasnosti* [Islam in Russia's politics, identity and security]. Tehran: Publication of Ney.
16. Dejev Salar, A.R. (2009) Rol' voennoy doktriny vneshney politiki Rossii [The role of the military doctrine in Russia's foreign policy]. Translated from Persian. *Journal of Defensive Strategy*. 22. pp. 57–88.
17. Sadegi, A. (2009) Genealogiya vneshney politiki Islamskoy Respubliki Iran: mesto sushhnosti kul'tury i istorii [The genealogy foreign policy of the Islamic Republic of Iran: The place of culture and history]. Translated from Persian. *Journal of Foreign Policy*. 2. pp. 245–300.
18. Amidzandzhani, A. (1989) *Politicheskiy fikh* [Political Fiqh]. Translated from Persian. Tehran: Publication of Amir Kabir.
19. Moshirzadeh, H. (2010) Domestic ideational sources of Iran's foreign policy. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 1(1). pp. 153–192.
20. Hadzhi Jusefi, A.M. (2003) Teoriya Uoltsa i vneshnyaya politika Irana: sravnitel'noe izucheniye perioda holodnoy voyny i posle holodnoy voyny [The theory of Waltz and Iran's foreign policy: A comparative study of the Cold War and post-Cold War]. Translated from Persian. *Journal of Foreign Policy*. 4. pp. 1005–1030.